

сутствие духа Петрарки, определившего развитие всей европейской поэзии того времени и поэзии «Плеяды» в том числе. Уже в одном из своих первых сонетов, обращенном к Ронсару, отдавая дань уважения престарелому поэту, дерзкий юноша бросает предшественнику перчатку. Такой жест был свойственен д'Обинье не только в юности. До конца дней он сохранил дерзость, не опуская глаз даже перед гневом королей. Уже в упомянутом сонете д'Обинье подчеркивает разницу в эстетической и человеческой позиции между собой и поэтами «Плеяды».

Конечно, я профан, увы, лишенный знания
И разума. Они полезней для писанья,
Зато для нежных чувств они подчас не впрок.

Восходу я служу, а ты вечерним зорям,
Когда влюбленный Феб спешит обняться с морем
И повернуть свой лик не хочет на восток.¹

В другом своем сонете Агриппа напрямик говорит:

Принцесс увеселять и принцев надоело,
И даже мой король, который то и дело
Мне дарит милости, увы, постыл и он.

От почестей и ласк держаться бы подале,
Не надо их совсем, уж лучше быть в опале,
Чтоб не кричал никто, что я хамелеон.

Нельзя не заметить, что характер д'Обинье был весьма неудобен для жизни в придворном кругу. Обладая желчным остроумием, поэт с юности был заносчив и резок в выражениях, снискав себе славу слушника и дуэлянта. Невольно приходит на ум, что характер французского поэта напоминал характер М. Лермонтова. Д'Обинье ведь тоже был сирота, внешне непривлекателен, невелик ростом и социально ущемлен, ибо не был для своего круга достаточно богат и родовит. Остроумие его бывало безрассудным. В своих биографических записках д'Обинье сам рассказывает, как в молодости он, будучи в свите Генриха Наваррского, прибыл в парижский королевский дворец Лувр, где на балу подвергся насмешкам нескольких пожилых

¹ Стихи в статье — в переводе А. Ревича.